

A romantic scene featuring a man and a woman in profile, facing each other on a city street at night. The woman, on the left, has long dark hair and is wearing a rust-colored dress with large, ornate earrings. The man, on the right, has short brown hair and a beard, wearing a dark leather jacket. The background is a blurred city street with warm, golden lights from buildings and street lamps.

**Между
софитами
и
сердцами**

Наталья Рождественская

Наталья Рождественская

Между софитами и сердцами

<https://litres.ru/74228473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Скандал за кулисами "Постучись в мою дверь": Гюнфер толкает Керема на конфликт с Ханде ради рейтингов! Пока павильон пустеет и гаснут софиты, на площадке разгорается совсем не экранная драма. Гюнфер настойчиво убеждает Керема, что искры между ним и Ханде мало — нужны настоящие конфликты, ревность и напряжение, чтобы зрители не отрывались от экранов. Но Керем твёрдо стоит на своём: он не готов жертвовать уважением к коллегам ради хайпа. Кто победит в этой закулисной битве — принципы или жажда рейтингов? Держим руку на пульсе и следим, как эта интрига скажется на судьбах героев и всей съёмочной группы.

Наталья Рождественская

Между софитами и сердцами

«Это художественное произведение. Все имена, персонажи, места и события — плод авторского воображения. Совпадения с действительностью случайны».

Между софитами и сердцами

Часть пятнадцатая

...Солнце уже клонилось к закату, заливая съёмочную площадку янтарным светом, но в павильоне «Постучись в мою дверь» напряжение было густым, почти осязаемым. Гюнфер, привыкшая держать всё под контролем, в очередной раз ворвалась в кадр, будто сама была главной героиней, а не продюсером. Её голос звенел, перебивая даже команды режиссёра:

— Это не тот ракурс! Эда должна выглядеть уязвимой, а не дерзкой! Вы вообще понимаете, что мы теряем зрителя?!

Ханде стояла в стороне, в лёгком платье, с цветами в руках — будто застывшая в ожидании сцены, которая никак не могла начаться. Она не спорила. Она просто смотрела — спокойно, чуть устало, и в этом взгляде было столько внутренней силы, что даже Гюнфер на секунду запнулась.

— Мы снимаем по сценарию, — тихо, но твёрдо сказал

режиссёр, поднимая глаза от планшета. — И по свету. И по таймингу. У нас нет времени на импровизации.

Гюнфер шагнула ближе, её каблуки звонко ударились о пол.

— Время? Время — это то, что мы покупаем рейтингами! А рейтинги падают, если Эда не вызывает эмоций!

Керем, стоявший у края площадки, молча сжал кулаки. Он не любил конфликтов, но терпеть, как давят на Ханде, не собирался. Он шагнул вперёд, и этот шаг прозвучал громче любого слова.

— Ханде играет так, как чувствует, — сказал он ровно. — А зрители чувствуют эту искренность. Если мы начнём ломать её, мы ломаем и Эду.

В павильоне стало тихо. Даже оператор замер, не опуская камеры.

Режиссёр медленно снял очки и посмотрел на Гюнфер — не враждебно, но так, что стало ясно: терпение кончилось.

— Гюнфер, я ценю твой вклад, — произнёс он, подбирая слова. — Но с этого момента все правки — только через меня. И... я попрошу тебя ограничить присутствие на площадке. Пусть актёры дышат.

Гюнфер побледнела. Её губы дрогнули, будто она хотела что-то выкрикнуть, но вместо этого резко развернулась и вышла, громко хлопнув дверью.

А на площадке будто стало легче дышать. Ханде наконец-то улыбнулась — едва заметно, но искренне. Керем по-

дошёл к ней и тихо сказал:

— Ты справишься. Они все это видят.

И правда, видели. Ассистенты, костюмеры, даже гримеры — все как будто старались быть чуть ближе к Ханде, будто хотели передать ей свою поддержку.

Гамзе, приехавшая навестить сестру, крепко обняла её в перерыве, шепнув:

— Ты такая сильная. Я горжусь тобой.

Эти слова, простые и родные, согрели больше любого света софитов.

Съёмки продолжились. Сцена, где Эда и Серкан после волейбола бегут к воде, получилась особенно живой — несмотря на то, что Керем так и не решился войти в прохладную воду и его в кадре заменил дублёр. Но магия осталась: потому что в глазах Ханде была не игра, а настоящие эмоции — смесь усталости, гордости и радости от того, что рядом — свои.

Позже, когда отснятый материал показали фокус-группе, рейтинги взлетели. Зрители писали: «Между ними искра», «Хочется верить в эту любовь», «Эда — как будто из жизни».

А Гюнфер... Гюнфер теперь появлялась на площадке только по согласованию. Её влияние сузилось до встреч с продюсерами и отчётов, и это злило её до дрожи. Но она уже не могла отрицать очевидного: сериал жил не её волей, а той самой химией, которую невозможно подделать. Той самой,

что рождалась между Ханде и Керемом — искренней, настоящей, покорившей миллионы сердец.

...

Павильон уже опустел, софиты погасли, и только редкие лампы над гримерными ещё горели тусклым светом. Керем задержался — он любил эти тихие минуты, когда площадка переставала быть шумной машиной и становилась просто пространством, где можно выдохнуть. Он сидел на краю реквизитного дивана, перелистывал сценарий, пытаясь поймать интонацию завтрашней сцены, когда дверь скрипнула, и в проёме появилась Гюнфер.

Она двигалась так, будто даже в пустом коридоре должна была быть в центре внимания: каблук чеканил шаг, плечи были гордо расправлены, а в глазах — тот самый блеск, который у одних вызывал уважение, а у других — лёгкое напряжение.

— Ты ещё здесь? — спросила она, будто это было не вопросом, а упрёком. — Обычно ты уходишь первым. Или сегодня что-то не так?

Керем поднял взгляд, улыбнулся вежливо — той самой улыбкой, за которой прятал усталость.

— Просто хочу разобрать пару реплик. Завтра сложная сцена. Хочу, чтобы всё было честно.

Гюнфер подошла ближе и села рядом, слишком близко, будто хотела вторгнуться в его личное пространство.

— Честно... — протянула она с лёгкой усмешкой. — Зна-

ешь, честность — это хорошо. Но рейтинги любят не честность. Они любят напряжение. А напряжение рождается из конфликта.

Керем нахмурился.

— Мы и так даём напряжение. У Серкана столько внутренних противоречий...

— Не то напряжение, — перебила Гюнфер, наклоняясь чуть вперёд. — Я говорю про напряжение между вами. Между тобой и Ханде. Не на бумаге. А по-настоящему.

Он замер, почувствовав, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Между нами всё в порядке, — спокойно ответил он. — Мы работаем. И у нас получается.

Гюнфер усмехнулась, будто услышала наивную детскую фразу.

— Получается... Да, зрители видят искры. Но искры — это не конфликт. А конфликт — это то, что заставляет людей не отрываться от экранов. Ты ведь хочешь, чтобы сериал был успешным, правда?

— Я хочу, чтобы он был настоящим, — твёрдо сказал Керем.

Она будто не услышала.

— Представь, если бы между вами была борьба. Если бы ты чувствовал, что она забирает слишком много внимания, что режиссёр смотрит только на неё, что сценаристы пишут под неё... Разве это не добавило бы глубины твоему Серка-

ну? Он ведь сложный человек. Пусть и ты будешь сложным на площадке. Пусть будет видно, что тебе непросто.

Керем медленно закрыл сценарий и посмотрел на Гюнфер прямо.

— Мне непросто, когда пытаются столкнуть лбами тех, с кем я работаю. Ханде — профессионал. Она не тянет одеяло на себя. И я не хочу играть в эти игры.

Но Гюнфер не собиралась сдаваться. Она заговорила тише, почти доверительно, но в этом шёпоте слышалась сталь:

— Ты не понимаешь. Это не игры. Это индустрия. Иногда нужно немного... подкрутить. Пусть она почувствует, что не всё так просто. Пусть будет лёгкая ревность, напряжение, недоговорённость. Это сделает ваши сцены острее.

— Сделает их фальшивыми, — тихо, но твёрдо ответил Керем. — А фальшь зритель чувствует сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.